

УДК 821.161.3 (075.8)

Сомов Сергей Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *somov72@mail.ru*

Somov Sergey, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: *somov72@mail.ru*

НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

В статье анализируется содержание и художественное оформление картины мира в ораторской прозе белорусского просветителя Георгия Конисского, в его речах и храмовых проповедях – «Словах». Отмечается, что автор целенаправленно использует наивные представления слушателей о мироустройстве, чтобы добиться более адекватного понимания ими духовно-религиозных истин.

Ключевые слова: картина мира, Георгий Конисский, ораторская проза, слово, бинарные оппозиции.

A NAIVE PICTURE OF THE WORLD IN ORATORIC PROSE OF GEORGE KONISSKY

The article analyzes the content and artistic design of the picture of the world in the oratorical prose of the Belarusian enlightener Georgy Konissky, in his speeches and temple sermons – “Words”. It is noted that the author purposefully uses listeners’ naive ideas about the world order in order to achieve a more adequate understanding of spiritual and religious truths.

Key words: picture of the world, Georgy Konissky, oratorical prose, word, binary oppositions.

Могилевский и Белорусский православный архиепископ Георгий Конисский (1717–1795) был одним из образованных людей своего времени. До вступления на Могилевскую кафедру он пятнадцать лет (полный курс) обучался в Киево-Могиланской духовной академии, а затем десять лет трудился в ней как профессор «пиитики», философии и богословия, префект и ректор. Научные работы Конисского этого времени показывают его как оригинального самостоятельного мыслителя, осуществляющего переход от средневекового аристотелизма к философии нового времени. Иными словами, нет сомнений в том, что Георгий был знаком с научной картиной мира эпохи Просвещения. Например, обращаясь к Российской императрице Екатерине второй с приветственной речью в 1787 г. в Мстиславле, он начал ее словами: «Оставим астрономам доказывать, что земля вокруг солнца обращается: наше Солнце вокруг нас ходит, и ходит для того, да мы в благополучии почиваем» [1, с. 242. Далее цитаты по этому изданию с сохранением особенностей орфографии и пунктуации оригинала.].

Вместе с тем, в многочисленных «Словах», т.е. в храмовых проповедях, обращенных к широким слоям необразованного населения, Конисский предлагает слушателям далеко не научную картину мира, поскольку ставит перед собой не научно-просветительские, а духовно-просветительские задачи. Так, к «Слову на Рождество Христово» 1785 г. [1, с. 180–186] Георгий избирает эпиграф из Ветхого Завета Библии (Псалтири царя Давида): «Снидет яко дождь на руно, и яко капля каплющая на землю» [Пс. 71. 6]. Это позволяет проповеднику сразу установить широкие временные и пространственные рамки предполагаемого повествования (земля и небо, давние времена, эпоха пророков и пророчеств, великих событий, знамений и чудес). Такое смысловое поле позволяет моделировать и воспроизводить в слове явления мирового масштаба и значимости.

Людям малограмотным, каковыми были абсолютное большинство слушателей георгиевской проповеди, эпиграф поначалу мало что говорит. Он представляет собой сравнение, в котором сравниваемый предмет не указан, и поэтому лексическое значение слов *снидет*, *дождь*, *руно* и *капля каплющая*

в восприятии прихожанина является поначалу прямым. Можно лишь априори предполагать, что данные слова каким-либо образом могут относиться к празднуемому событию пришествия в мир Христа и к нему самому, поскольку проповедь включается в ход храмовой службы и является пастырским комментарием к евангельскому чтению, иными словами, вписывается в широкий смысловой контекст литургических молитвенных воспоминаний о событиях далекого прошлого.

Конисский осознает смысловую непрочность использованной им библейской метафоры и поэтому первую композиционную часть праздничной проповеди посвящает прояснению смысла эпиграфа. Он говорит о том, что *псалом сей у Евреев написан о Соломоне*, однако содержит в себе указания на неправдоподобные, не свершившиеся события, как то: необыкновенная длительность его царствования (*доколе и солнце светит и прежде луны рода родов*), всевластие (*что поклонятся ему вси царие земстии, вси языцы поработают ему*). Повествование о столь необычных событиях, по словам Георгия, столь же не соотнобразится с реальной жизнью Соломона, *как и свет с тьмою* [1, с. 180]. Уже здесь Конисский соотносит жизнь человека – Соломона – с *солнцем*, как нечто низшее с высшим.

Противопоставление света и тьмы универсально, в данном случае оно является языковой номинацией одной из древнейших мифологических оппозиций «верх – низ», посредством которой Конисский вводит слушателя в целую систему новых оппозиций, лежащих в основе христианского представления о мироустройстве. Фактически речь идет о системе концептов, веками воспроизводимых религиозной, сначала языческой, устно-поэтической традицией, а затем, в трансформированном виде, христианской, книжной догматикой.

Георгий дает понять слушателям, что есть иное, подлинное Солнце и подлинный Свет, *кочему предшествовал Соломон, сын Давидов, как тень только свету, как образ самой вещи*. Предшествие тени свету есть предшествие неподлинного существования (плоти) подлинному (духу), предшествие древнего хаоса – космосу. Таковым космосом и гармонией для земного духовно не оформленного человеческого существа является Христос – 'Солнце', 'свет', 'вещь', т.е. нечто не иллюзорное, настолько осязаемое, что даже понятие 'вера' устраняется, уступая место понятию 'знание': прихожанин должен не уверовать во Христа (он уже верит – он в храме), но познать Его, приобрести опыт общения с Ним. Так прямое лексическое значение слов *дождь*, *руно* и *капля* трансформируется в переносное значение, все еще не очевидное, но явно связанное не с водой и выделанной овечьей шкурой, а с характером пришествия в мир Христа и состоянием *смиреннаго и призреннаго царствия Его в мире сем*.

Подготовив слушателей, Конисский формулирует сложный тезис, представляющий собой новую, более широкую в пространственно-временном отношении оппозицию (также универсальную, но уже сугубо христианскую, более позднюю): первое снисхождение Христа на спасение людей было тихим, как *стук росы, падающей на руно и капли, исподволь собирающейся и едва в нес-*

колько времени укапающей на землю, второе же на суд будет подобно молниям, трещущим и осыпающим грешников; ...целой реке огненной, жерелами многими лиющейя просто на главу беззаконников. Данное противопоставление задает и логику рассуждений оратора, и двухчастную композицию основного повествования.

Динамическое описание первого пришествия в мир Бога хронологически последовательно и построено как ряд антиномий, доказывающих тезис и делающих более яркими, запоминающимися эпизоды из жизни Спасителя: *рождество было благовещано Архангелом, но так тихо, что того не знал даже и самый обручник Иосиф, который хотел тай (тайно, сокрыто) отпустить от себя Марию, во чреве имущую (чрево – место сокровенное); рожден Христос не в дому Иосифовом (определенное место), но в странствовании (неопределенная пространственная характеристика, несмотря на уточнение – в Вифлееме); Мария, не получив обители человеческая, в хлевине скотской Царя нашего родить принуждена; младенцу воссияла звезда новая (светило, свет), но зарю звезды сея тот час и закрыла тьма (смущение Ирода, царя земного, не истинного); запели Ангелы в рождестве Царя (песнь ассоциируется с гармонией), но эту песнь заглушил крик младенцев... заколенных и вопль (звуки дисгармоничные, негативные) матерей их мечущихся (причастие, производное от глагола, обозначающего движение беспорядочное, хаотическое); жизнь до крещения (Богоявления) отмечена проблеском лучи премудрости Его (свет), но все Его тридцатолетнее воспитание густым облаком было покровенно (никому не известно); время Евангельской проповеди хотя было свет и день непрерывны (ср. приводимые Георгием в качестве доказательств цитаты из боговдохновенной книги: *дондеже свет имате, ходите в свете, да тма вас не имет* [Иоан. 12. 35], и *паки: мне подобает делати дела пославшаго мя, дондеже день есть: егда в мире есмь, свет есмь миру* [Иоан. 9. 14]), но весь этот день наносимыми отсюду мрачными облаками окрываем был, часто прозирало солнце Божества, но вдруг и закрывалось.*

Понятия ‘свет’ и ‘тьма’ оформляются в многоуровневые системы. Свет: реальный солнечный, снисходящий с неба на землю, живительный – высший духовный, Божественный, животворящий, очищающий – действия Бога-Слова на земле по закону Отца Небесного: *исцелял недуги, воочал слепыя, очищал прокаженных, бесы изгонял, мертвыя воскрешал.* Тьма: реальная, ночная, тень от тучи – земное существование людей без Бога, действия против Истины, наиболее откровенно явленные в поступках против Сына Божия: *продан был от ученика, взят и связан, истязан и судим, везде ругаем и биен, и смерти безчестнейшей... приговорен, ко кресту пригвожден, терновым венцом... изboden, желчею залит, от беззаконников посмеваем.* Не случайно понятия ‘свет’ и ‘тьма’ получают у Конисского конечное раскрытие не в существительных или прилагательных, а в глаголах и глагольных формах, потому что ‘добро’ и ‘зло’ есть не предмет, а действие любви или нелюбви, конкретный выбор в нравственной ситуации.

Евангельский сюжет о смерти Христа и сопутствующих ему знамениях становится частью воспроизводимой Георгием в «Слове» древней концептуальной системы. Слушатель, воображая вслед за проповедником картину солнечного затмения и природного катаклизма, улавливает оба смысловые ряда: и 'гибель' покрываемого тьмою солнца реального, которая есть пролог к его возвращению на небо, и смерть Солнца правды и истины, также являющуюся лишь прологом к торжеству величайшей идеи Пасхи. Оба эти компонента восходят к мифологическим представлениям о природе божественного. Образ Христа, некогда заменивший собой в умах древних славян их верховных божеств, вбирает в себя значимые составляющие концепта «Бог». Ср.: Перун – бог молний и воды, посылающий ее на землю для жизни всему земному, и Христос, снисходящий с неба, как дождь и как роса, или карающий молниями Христос во втором пришествии; Дажьдбог – солнце, дающее свет и жизнь, и Христос – Солнце правды, несущее свет миру.

Вторая часть проповеди посвящена описанию нового пришествия в мир Христа на суд. Картина Второго пришествия совершенно иная: *возгласит Архангел и труба Божия так громко, что и мертвии услышат глас сей Сына Божия; все Ироды, все каины, все озлобители немощных предстанут суду, черву, во век неусыпаемому, уготованы; все сии закусят язык свой, мнящийся мудр быти юродивым покажется, и просвещенныи мраком вечным покрываются*. Метафорический перенос значения 'Христос – живительная влага' получает здесь свое развитие: грешники, не испившие живой воды на земле (здесь же просматривается мотив крещения – 'рождения от воды и Духа') и поэтому попавшие в ад, уже лишены возможности покаяния навсегда: *хулители одной капли воды просить будут на язык свой, страждущий в пламени во век неугасимом*. Этот мотив достигает высшего развития в сравнении Христа с рекой: *реке шумящей, когда с горы стремится к морскому волнению, волны своя до небес воздвигающему, подобно будет второе пришествие в мир Спасителя нашего*.

Конисский по своему обыкновению и по законам проповеди делает шаг от абстрактной риторики к реальности, к вполне осязаемым предметам и явлениям сегодняшнего дня. Многие из них вписываются в контекст рассуждений оратора и воспринимаются как верные свидетельства о близости всеобщего суда: *да вот уже и вестники суть близкаго Суда Божия: трясения земли (ср. сотрасл стрегущих гроб); наводнения необычныя, на подобие потопа (ср. река шумящая); от лияния непрестанных дождей, на некоторых местах не дожди, но огни лиются с небес и сожигают*.

Оказывается, что огонь, приходящий на земдю бывает двояким: божественным, святым (от Солнца) и зловещим, геенским (от преисподней). Создаваемая Георгием в «Слове» картина извергающегося вулкана расширяет наивные представления христианина об устройстве вселенной: *вулканы новые... указуют не окны уже ада, как доселе мы почитали Везувия и Этну, Геклу и другия немногия, но щели частыя его, яко уже тесная храмина его состарелась, и щели частыя указуя, хочет обвалиться, а на то место обняти и пожерти всю землю огнем*.

Пространственные характеристики ‘верх’ – ‘низ’ теперь четко обозначены понятиями ‘небо’ (+) (вещественное, пределы солнца и света и невещественное, обиталище Бога, вечной духовной жизни) и ‘земля’ (–) (обиталище людей, бренного существования, тьмы и греховности), а еще ниже – ‘подземелье’, ‘ад’, противопоставленный небу также, как и земля. Христа *вели до верху горы* (гогофа, место позорной казни, обратившееся в место славы Христа и торжества жизни над смертью), *дабы долу низринуть* (опозорить, обесчестить, убить, развенчать; это же и вектор пути Христа по смерти во ад).

Таким образом, картина мира, создаваемая архиепископом Георгием Могилевским в его ораторской прозе, показывает, что христианское мышление культивирует особенные представления о мироустройстве. Осуществляя духовную проповедь, просветитель игнорирует научные истины не потому, что они входят в формальное противоречие с религиозными догматами, а потому, что являются несущественными с точки зрения практики этического строительства. Георгий, безусловно, понимающий непространственный характер понятий ‘рай’, ‘ад’ и др., намеренно актуализирует в умах паствы наивную картину мира: ад (пространство внизу) – земля (плоскость) – небесный свод (твердь со светилами) – рай (высший мир Бога и святых). Этот подход функционален: пастырь адекватно оценивает коммуникативную среду и пользуется эффективными средствами воздействия на слушателей; он принимает в качестве исходного материала даже древнейшие языческие представления о божестве, о природе божественного и его проявлениях в действительности, чтобы вернее изобразить духовный облик Христа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слова и речи Георгия Кониссаго, Архиепископа Могилевского. / Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литограф. Я. Н. Подземского, 1892. 470 с.